умышленного распространения заразных болезней животных. В УК РБ 1999 г. такие деяния были декриминализированы. Также необходимо отметить, что отсутствует дифференциация возможных субъектов преступления, не учтены в качестве возможного самостоятельного общественно опасного последствия незаразные болезни животных, усматриваются коллизии со ст. 336, 428 УК РБ и др. Оптимизация положений ст. 284 УК РБ возможна путем построения системы норм, представляющих собой четкий уголовно-правовой механизм охраны общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности. Теоретическим базисом такой системы норм должен выступать именно объект преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. № 1. С. 37.
[2] Уголовное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М., 2008. С. 669.
[3] Коряковцев В. В., Питулько К. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. СПб., 2006. С. 615.
[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. И. Булавин и др.; отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2007. С. 901.
[5] Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: общая и особенная части / под ред. И. Ш. Борчашвили. Алматы, 2007. С. 677.
[6] Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учеб. / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. М., 1999. С. 623.
[7] Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2009. С. 139.
[8] Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 735.
[9] Применение ответственности за экологические правонарушения: учеб.-метод. пособие для практических работников / М. М. Бринчук и др.; отв. ред. О. Л. Дубовик. М., 2007. С. 144.
[10] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 215.
[11] См.: Общая теория национальной безопасности / А. В. Возжеников и др. М., 2005. С. 5.
[12] Мышко Ф. Г. Экологическая безопасность. М., 2003. С. 45.
[13] См.: Никонович Т. В., Птуха, И. И., Никонович И. А. Экологическая безопасность государства как фактор устойчивого развития Республики Беларусь. Горки, 2008. С. 6–7.
[14] См.: Струтинська-Струк Л. В. Правове поняття біобезпеки як складової екологічної безпеки: проблеми визначення // Наук. вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. 2004. Вип. 212.: Правознавство. С. 87.
[15] См.: Плешаков А. М. Экологические преступления: концепции и система понятий // Государство и право. 1993. № 8. С. 82–83.
[16] См.: Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. Минск, 2007. Т. 1. С. 124.
[17] См.: Генетически модифицированные организмы и проблемы биобезопасности: учеб.-метод. пособие / С. Е. Дромашко и др. Минск, 2011. С. 58.
[18] См.: Биологическая безопасность биотехнологических производств: учеб. пособие / Н. Б. Градова, Е. С. Бабусенко, В. И. Панфилов. М., 2010. С. 8.
[19] См.: HEALTHCARE. PHILIPS. COM. The Economic and Social Impact of Emerging Infectious Disease: Mitigation through Detection, Research, and Response [Electronic resource]. Access mode: http://www. healthcare. philips. com/main/shared/assets/documents/bioshield/ecoandsocialimpactofemerginginfectiousdisease_111208. pdf. Access date: 15.12.2011.
[20] См.: Laura A. Meyerson, Jamie K. Reaser. A unified definition of biosecurity // Science. January 2002. Vol. 295. P. 44.

Поступила в редакцию 08.04.13.

Артём Александрович Пухов – аспирант кафедры уголовного права. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права И. О. Грунтов.

УДК 340.1

С. Г. ВАСИЛЕВИЧ

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Раскрывается понятие и формы реализации права. Отражены различные подходы к определению данного понятия, обоснован вывод о том, что нормотворческую деятельность следует, как и правоприменение, рассматривать в качестве разновидности реализации права. Необходимо видеть грань между исполнением и использованием права. В ряде случаев властные субъекты полагают, что у них есть право использовать (или не использовать) правовую норму с целью ее реализации, хотя речь должна идти об исполнении этой нормы. Сделан вывод, что государственные органы, должностные лица обладают меньшим объемом «свободы», чем граждане, когда речь идет об использовании права, так как для них право – это одновременно и обязанность совершить какие-то действия, принять решение и т. п. Отмечается, что один из наиболее спорных вопросов в праве – проблема его злоупотребления, которое нельзя рассматривать как правомерное поведение. Злоупотребление правом – это разновидность неправомерной реализации права. Это поведение неправомерное. Особенностью такого поведения является то, что за него может быть установлена ответственность либо она может отсутствовать, но могут наступать неблагоприятные последствия.

Ключевые слова: реализация права; формы реализации права; соблюдение; исполнение; использование; правоприменение; злоупотребление правом.

Reveals the concept and realization of the right shape. Reflect the different approaches to the definition of the concept, justified the conclusion that the standard-setting activities should be as law enforcement, considered as a kind of realization of the right. We have to see the line between performance and the use of law. In some cases, the power actors believe that they have the right to use (or not use) the law in order to implement it, but the focus should be on the implementation of this rule. The conclusion is that public authorities, officials have a smaller volume of «freedom» than citizens when it comes to the use of law as well as the right for them at times is both the duty to make some kind of action, decision, etc. One of the most controversial events in the law is the problem of abuse of rights. Abuse of the right can not be regarded as lawful behavior. Abuse of the right is a kind of unlawful exercise of the right. This behavior is illegal, the feature is that for it can impose liability or it may not, but adverse effects may occur.

Key words: exercise of the right; the right shape; compliance; performance; use, law enforcement; abuse of right.

Важнейшей целью нормотворческой деятельности является претворение в жизнь норм права, т. е. их реализация. Совершенно справедливо отмечается в литературе, что смысл права заключается в том, что оно определяет общественную среду, направление и формирование поведения участников общественных отношений, проявляет себя как активное творческое начало[1]. Право выступает в качестве высшей социальной справедливости при условии, что его принципы и нормы реализуются субъектами социального общения[2].

Российские специалисты в области теории права, по сути, едины в определении, что такое реализация права. Под ней понимают «осуществление правовых предписаний в правомерном поведении граждан, их организаций, органов государства»[3]. Аналогичное определение дают известные белорусские теоретики права, уточняя при этом, что речь идет об осуществлении субъектами не только содержащихся в праве предписаний, но иных положений[4]. Другие авторы акцентируют внимание на том, что реализация права означает претворение в жизнь не только правовых норм, но и принципов, т. е. общеобязательных правил поведения, установленных и санкционированных государством[5].

Таким образом, имеются схожие подходы к определению реализации права, различие заключается в широте охвата понятий. В то же время есть различные взгляды относительно того, следует ли рассматривать нормотворческую деятельность в качестве разновидности реализации права. Так, одни авторы отмечают, что реализация права может осуществляться в законодательной деятельности и подзаконном нормотворчестве[6]. Другие подчеркивают, что реализация права является процессом воплощения в жизнь уже созданных правовых норм[7]. Полагаем, что нормотворческую деятельность, продуктом которой может быть закон или иной правовой акт, также можно рассматривать в качестве реализации права в широком смысле слова. Как замечают некоторые авторы, проблема заключается в разграничении процессов правообразования и правореализации, хотя они указывают, что творческая реализация права всегда заключает в себе элементы правотворчества[8].

Традиционно в литературе выделяют следующие формы реализации права: соблюдение, т. е. воздержание от совершения запрещенных правом действий (можно сказать, что в данном случае идет речь о пассивном поведении); исполнение, т. е. совершение действий по претворению в жизнь правовых норм, предусматривающих соответствующие обязанности, выполнение обязывающих правовых предписаний; использование, т. е. осуществление, правомочий соответствующим субъектом по его усмотрению.

Также типичным, общепризнанным является взгляд ученых-теоретиков права на то, что следует выделять еще одну форму реализации – правоприменение.

В. В. Лазарев и С. В. Липень указанные формы – соблюдение, исполнение и использование – называют формами непосредственной реализации права, так как субъекты осуществляют нормы самостоятельно. Когда же они вынуждены прибегать к официальному содействию органов государства, тогда следует говорить о такой форме реализации права, как применение. Под ним они понимают деятельность компетентных органов по реализации правовых норм путем вынесения индивидуально-конкретных предписаний[9]. Авторы коллективной монографии по проблемам правоприменения рассматривают его как властную индивидуально-определенную деятельность, осуществляемую государством. При этом они подчеркивают, что «ее соотношение с понятием реализации права спорно, однако ясно, что она выделяется и получила общее признание по иному критерию, а именно по участию государства как субъекта государственного принуждения, используемого для обеспечения действия правовых норм»[10]. Действительно, весьма спорно отграничение правоприменения от реализации права. Если использовать для этого критерий участия государства в обеспечении правовых норм, как отмечают названные авторы, то с этим в полной мере нельзя согласиться, так как и при иных формах (соблюдении, исполнении, использовании) государство предполагается в качестве одного из участников отношений. Можно лишь принять во внимание то, что при правоприменении нормы права реализуются государством достаточно явно. Например, гражданин обращается в государственный орган с заявлением о получении земельного участка или о назначении пенсии (он использует свое право), является в военкомат для призыва на воинскую службу или для постановки на учет (исполняет обязанность, предусмотренную в праве). Для достижения установленных в законодательстве целей необходимо, чтобы государство применило соответствующую норму. Когда мы говорим о применении права, то, действительно, речь идет о явном выстраивании отношений по принципу «власть-подчинение». Несмотря на общепринятый взгляд о том, что применение есть одна из форм реализации права, отметим справедливость сомнений Р. З. Лившица в целесообразности такого разграничения. Он полагал, что реализовать право можно, только применяя его. По его справедливому, с нашей точки зрения, замечанию, применение права – это процесс претворения правовых норм в общественную практику[11]. Ранее в одном из советских учебников подчеркивалось, что «хотя в процессе применения права компетентные органы и должностные лица непосредственно сами реализуют (соблюдают, исполняют и используют) определенные нормы права, регулирующие их деятельность, все же главное его назначение состоит в обеспечении реализации правовых норм другими субъектами – теми, в отношении которых применяется право. Другими словами, правоприменение есть государственно-властный способ организации осуществления норм права»[12]. На наш взгляд, весьма емкое определение. Поэтому, когда используем термин «правоприменение», то речь также идет о реализации права (соблюдении, исполнении, использовании), но с позиции государственно-властной организации – о процессе претворения норм права в практику властными субъектами.

Например, несоблюдение норм приводит к применению мер ответственности. Следовательно, можно говорить о правореализационной или (что идентично и более привычно) правоприменительной деятельности (практике) со стороны суда или иного уполномоченного органа по реализации норм (санкций).

Посредством применения права «государство продолжает начатый правотворчеством процесс правового регулирования общественных отношений, властно вмешиваясь в разрешение социально значимых для общества и личности индивидуально-конкретных жизненных ситуаций»[13].

В процессе реализации права, в том числе в процессе правоприменения, возникает множество проблем, споров, коллизий, требующих своего разрешения. В этом плане практика реализации правовых норм, действительно, является критерием истины – конституционности (законности) деяний различных субъектов правоотношений, качества нормотворческой деятельности государственных органов и должностных лиц, уровня правового сознания и правовой идеологии и др.

В Конституции содержатся нормы, устанавливающие соответствующие запреты. Так, согласно ст. 5 «Запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды».

В ст. 8 Конституции Беларуси закреплено положение, согласно которому «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства». При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции.

Как установлено в ст. 10, никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство.

Однако, на наш взгляд, соблюдение права возможно не только тогда, когда лицо воздерживается от совершения запрещенных действий, но и тогда, когда безукоризненно исполняет имеющиеся полномочия. Например, согласно ч. 6 ст. 13 Конституции недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Эта конституционная норма реализуется (соблюдается) при условии ее безукоризненного (исполнения) соблюдения, т. е. исполнение одной нормы часто означает соблюдение другой.

Что касается такой формы реализации права, как исполнение, то примером могут быть конституционные нормы, в которых закреплены соответствующие обязанности. Так, согласно ст. 52 каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее Конституцию, законы и уважать национальные традиции. Это означает, что юридической обязанностью каждого (гражданина Республики Беларусь, иностранного гражданина, лица без гражданства), кто находится на территории Республики Беларусь, является обязанность соблюдать ее Конституцию и законы. При их нарушении наступает ответственность, в том числе уголовная, административная, гражданско-правовая и иная ответственность.

Исполнение указанных выше и иных конституционных обязанностей означает надлежащую реализацию правовых норм.

Необходимо видеть грань между исполнением и использованием права. В ряде случаев властные субъекты полагают, что у них есть право использовать (или не использовать) правовую норму с целью ее реализации, хотя речь должна идти об исполнении этой нормы. Проблемная ситуация длительное время существовала с реализацией ст. 30 Конституции – институт прописки существенно ограничивал право на свободу передвижения, пока не был издан указ о замене ее регистрацией граждан по месту жительства.

Следует иметь в виду, что большая свобода по использованию права есть у граждан. Государственные органы, должностные лица обладают меньшим объемом такой «свободы». Они обязаны использовать предоставленные им права таким образом, чтобы в максимально возможной степени обеспечивать право граждан на хорошее управление. К этому указанных властных субъектов обязывает, в частности, ст. 59 Конституции, согласно которой государство в лице его органов (должностных лиц) обязано принимать меры, максимально обеспечивающие достойное развитие личности, гарантирующие права и свободы человека и гражданина.

Ведь компетенция государственного органа, должностного лица, – это не только права, но и обязанности. Каждый орган государственной власти независимо от того, к какой ветви он относится (представительной, исполнительной, судебной), обязан надлежащим образом реализовать как права, так и возложенные обязанности. Государственный орган (должностное лицо) не может отказаться от выполнения предусмотренных законодательством обязанностей. Бездействие органов государственной власти, например непринятие нормативного акта в установленные сроки, является таким же нарушением принципа правового государства, требований Конституции, как и превышение полномочий.

Ни в одном государстве процесс реализации правовых норм не проходит гладко. Совершаются правонарушения, допускаются ошибки при осуществлении правоприменительной деятельности, граждане и иные субъекты могут предъявлять необоснованные требования, злоупотреблять своими правами, уклоняться от выполнения своих обязанностей. Такого рода последствия, причины недобросовестной реализации права требуют своего анализа, и на этой основе возможны коррективы первоосновы – самих правовых норм с целью их модернизации, а также поведения участников правоотношений.

В силу его общественной полезности правомерное поведение поощряется государством, а правонарушения как антипод надлежащей реализации права подлежат наказанию. В юридической литературе

можно встретить весьма объемные определения правомерного поведения. Под ним понимают «социально значимое, полезное поведение индивидуальных или коллективных субъектов, управомоченных или обязанных лиц, подконтрольное их сознанию и воле, соответствующее нормам права»[14]. Правомерным является поведение, которое находится в границах правового регулирования. Хотя возникает, как справедливо отмечается в литературе, другой вопрос – о границах правового регулирования[15]. В правовой сфере большинство деяний составляют правомерные поступки. Благодаря этому существует нормальное функционирование общества и государства, обеспечиваются права и свободы граждан. Таким образом, реализуются правовые предписания, достигаются те цели, которые ставил нормотворческий орган.

Одним из наиболее спорных явлений в праве является проблема злоупотребления правом, какое место оно занимает в процессе реализации права. Существуют различные взгляды ученых к определению понятия «злоупотребление правом». Отчасти это обусловлено и его внутренней противоречивостью: с одной стороны, идет речь о праве, о границах дозволенного, а с другой – о деянии, которое не имеет позитивной оценки.

Ни в юридической науке, ни в законодательстве, ни на практике не выработано единого определения данного понятия. Оно наиболее разработано в гражданском праве, по крайней мере, ей уделяют больше внимания специалисты данной отрасли права. В определенной степени ее затрагивают в уголовном праве при анализе некоторых преступлений. В последнее время оценки действий работников и нанимателей с позиции возможного злоупотребления ими своими правами появились в трудовом праве (например, об утрате гарантий беременной женщиной или выборным лицом, если они не сообщили о своем положении, наличии у них гарантий нанимателю при решении им вопроса о прекращении с ними трудовых отношений, когда наниматель не знал об этом. Такие действия расцениваются Верховным Судом России как злоупотребление работником своим правом и ему отказывается в защите его прав при решении спора о восстановлении на работе).

Данная проблема имеет более широкий характер, чем чисто отраслевой. С ней связано решение важного вопроса для практики – о правовых последствиях, которые наступают по отношению к лицу, злоупотребляющему правом. Поэтому с теоретической и практической точки зрения важно дать не только правильное определение понятия «злоупотребление правом», раскрыть его содержание, но и отграничить его от сходных категорий, определить правовые последствия злоупотребления правом. На основе этого можно установить – имеем мы дело с правомерным или неправомерным поведением. От этого зависит положение соответствующего субъекта.

Злоупотребление правом нельзя рассматривать как правомерное поведение. Злоупотребление правом – это разновидность неправомерной реализации права. Это поведение неправомерное, особенностью которого является то, что за него может быть установлена ответственность либо она может отсутствовать, но могут наступать неблагоприятные последствия. В связи со злоупотреблением субъективным правом, которое нет оснований рассматривать как правонарушение, лицо может лишиться установленных законом гарантий. Например, при рассмотрении спора о законности увольнения работнику может быть отказано в предоставлении дополнительных гарантий, если он не известил о наличии их у него нанимателя, а последний не мог о них знать; лицу может быть отказано в повторном предоставлении земельного участка на льготных условиях, если ранее полученный участок был продан.

Анализ практики свидетельствует, что не всякое злоупотребление правом можно рассматривать как исходное начало правонарушения, за которое может наступить ответственность. Все зависит, на наш взгляд, от вида правовой нормы, которой устанавливаются те или иные отношения. Когда нарушаются нормы-запреты, то здесь, конечно же, нет оснований утверждать, что злоупотребление правом привело к нарушению закона. Здесь изначально не было оснований для совершения деяния в какой-либо внешне приемлемой форме, за которой было скрыто злоупотребление правом.

При определении, имело ли место злоупотребление правом или нет, необходимо исходить из анализа пределов осуществления прав. Злоупотребление правом является правонарушением. Для правонарушения характерно наличие общественной опасности (все правонарушения различимы по степени такой опасности), противоправность, виновность. Это же характерно и для злоупотребления правом. Оно также имеет соответствующий состав. Что касается наказуемости, то за злоупотребление правом наказание наступает не всегда. Ответственностью (последствиями) за это деяние может быть применение как карательных, так и восстановительных мер, а также отказ в реализации гарантий и преимуществ. Злоупотребление правом представляет собой деяние субъекта в связи с реализацией его субъективного права, но выходящего за пределы его осуществления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Проблемы общей теории права и государства: учеб. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., пересмотр. М., 2010. С. 411.

2 Там же. С. 414.

3 Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 360.

4 См.: Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский / под общ. ред. А. Ф. Вишневского. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 1999. С. 360.

5 См.: Баранов П. П. , Соколов А. Н. Теория государства и права: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2007. С. 169.

6 См.: Проблемы общей теории права и государства... С. 415–418.

7 См.: Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 26.

[8] См.: Теория права и государства: учеб. для вузов / под ред. Г. Н. Манова. М., 1996. С. 200–201.
[9] См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 360.
[10] Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. С. 26.
[11] См.: Лившиц Р. З. Теория права: учеб. М.,1994. С. 363.
[12] Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 448.
[13] Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005. С. 321.
[14] Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. С. 357–358.
[15] См.: Границы правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. И. В. Плюгина, Е. В. Черепанова. М., 2011. С. 184.

Поступила в редакцию 20.06.13.

Сергей Григорьевич Василевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права.

УДК 32.01:305

Л. Г. ВОЛИНА

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Анализируется категориальный аппарат, посредством которого раскрываются цели, задачи и основные направления гендерной политики. Предлагается выделять наряду с базовыми категориями гендерных исследований понятия, используемые для анализа гендерной политики. Рассматриваются такие категории, как гендер, гендерное равенство, гендерная дискриминация, позитивная дискриминация. На основе анализа научной литературы приводится авторское определение гендерной политики. Делается вывод о том, что в настоящее время базовые категории являются весьма многозначными, неопределенными и дискуссионными.

Ключевые слова: гендер; гендерная политика; гендерная дискриминация; позитивная дискриминация; гендерное равенство.

The article examines the terms, which help to discover purposes, tasks and main directions of gender policy. The author suggests to distinguish basic categories of gender studies and terms, that are used for analysis of gender policy. The following terms are discussed in the article: gender, gender quality, gender discrimination, positive discrimination. The article presents the author's definition of gender policy. It is concluded that at the present time basic categories are polysemantic, indefinite and debatable.

Key words: gender; gender policy; gender discrimination; positive discrimination; gender quality.

В последнее время особую актуальность и значимость приобретают исследования, связанные с гендерной проблематикой. Развитие гендерных исследований и их результаты свидетельствуют о том, что рассмотрение любой социальной проблемы без учета гендерной составляющей неполно и односторонне. Успешная реализация задач гендерной политики требует ее качественного формирования и знания специалистами ее теоретических оснований, в первую очередь основных понятий и категорий, имеющих социально-политическое содержание.

Наряду с базовыми терминами гендерных исследований, широко используемыми сегодня во всех общественно-гуманитарных науках (например, гендер, гендерная асимметрия, гендерная идентичность, гендерный контракт, гендерные роли, гендерные стереотипы), исследование гендерной политики предполагает использование «адаптированных» к политологическому анализу понятий (гендерная дискриминация, гендерная политика, гендерное равенство, позитивная дискриминация, гендерная экспертиза, гендерный бюджет и др.).

В основе гендерных исследований лежит понятие «гендер», которое до сих пор вызывает множество споров и трактуется по-разному в зависимости от предмета исследования. Первое определение гендера возникло в связи с феминистским анализом общества – критикой дискриминационного положения женщин. Одни исследователи считают, что понятие «гендер» впервые появилось в работе Р. Столера «Пол и гендер: о развитии мужественности и женственности» (1968). Р. Столер рассматривает гендер как понятие, которое выражает психологические, социальные, культурные особенности личности. Другие полагают, что одной из первых работ, в которой появилось довольно четкое разделение понятий «пол» и «гендер», является вышедшая в 1975 г. статья антрополога Г. Рубина «Обмен женщинами: заметки по поводу “политической экономии” пола», в которой «гендер» определяется как «комплекс соглашений, регулирующих биологический пол как предмет общественной деятельности»[1]. В 1980-е гг. эти определения становятся основой для разнообразных концепций.

В зарубежной литературе, когда говорят о гендере, то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятий женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального положения. Так, под гендером понимают «совокупность правил, норм, обычаев и традиций, посредством которых биологические различия между женщиной и мужчиной переводятся в социально-организованные различия»[2].

Можно привести также определение американского социолога Э. Гидденса, на которое в основном опираются российские и белорусские исследователи. По его мнению, «если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие “гендер” затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности»[3].

В российских социальных исследованиях понятие «гендер» (англ. «gender») используется с начала 1990-х гг. для обозначения социального пола в отличие от биологического («sex»). Так, по мнению М. М. Малышевой, гендер обусловлен не биологически, а определяется «в контексте более широкого социального разделения труда… условий производства и культурных, религиозных и идеологических систем, превалирующих в обществе»[4]. О. А. Воронина предлагает выделять три направления в понимании гендера и проведении гендерных исследований: